

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ПУСТЬ РЕШАЮТ ПУШКИ

Русский царь Петр, шведский король Карл, король Дании Фредерик, польский король Август, король Франции Людовик, Вильгельм Английский, Леопольд Австрийский и большинство других королей и принцев той эпохи рано или поздно всегда выносили свои разногласия на суд войны. В XVII и XVIII столетиях, точно так же, как и в XX, войне отводилась роль

международного арбитра в спорах между народами. Соперничество династий, установление границ, право на обладание городами, крепостями, торговыми путями и колониями — все решалось с помощью войны. Как лаконично сформулировал эту аксиому один из молодых придворных Людовика XIV: «Пушки — самые беспристрастные судьи. Их суждения метки, и они — неподкупны»¹.

На протяжении пятидесяти лет — всю вторую половину XVII века - самой могущественной и вызывавшей наибольшее восхищение в Европе была французская армия. По количеству солдат она намного превосходила любую другую европейскую армию. В мирное время Франция содержала постоянную армию в 150000 человек, а в годы войны численность ее возрастала до 400000. Во время войны за Испанское наследство восемь больших армий под командованием маршалов Франции одновременно вели военные действия в Нидерландах, на

27

Рейне, в Италии и в Испании. Попечением короля и его военного министра Лувуа, французские солдаты были обучены, вооружены и снаряжены лучше всех в Европе. Благодаря таким генералам, как Тюренн, Конде и Ван-дом, им постоянно сопутствовал успех. Сокрушительный удар, который герцог Мальборо нанес маршалу Таллару при Бленхейме (Гохштедте) не без помощи принца Евгения Савойского, сражавшегося на стороне герцога, было первым крупным поражением французских войск, начиная со средних веков*.

Это было время, когда численность, огневая мощь и разрушительная сила всех армий стремительно возрастала. По мере того, как энергичные министры финансов увеличивали налоговую основу для содержания армий, становилось возможным выставлять на поле битвы все большее количество войск. В первой половине XVII века в европейских баталиях с обеих сторон могли участвовать не более 25 000 солдат. В 1644 году при Марстон-Муре — решающем сражении гражданской войны в Англии - Кромвель выставил 8 000 человек против равного количества войск Карла I. Шестьдесят пять лет спустя при Мальплаке Мальборо вел 110000 союзных войск против 80 000 французов**. На вершине свосп военной мощи Швеция, при собственном населении в полтора миллиона человек, содержала армию в 110 000 солдат. Петр, даже после роспуска дезорганизованного нерегулярного дворянского ополчения, которое он получил в наследство от Софьи и Голицына, в конечном итоге создал и обучил совершенно новую армию численностью 220 000 человек.

* Эта битва произошла в Баварии 13 августа 1704 г. Англичане и австрийцы разбили французов и баварцев. — *Ред.*

** Битва при Мальплаке (Фландрия) произошла 11 сентября 1709 года. Австрийский полководец принц Евгений Савойский и английский герцог Мальборо разбили французские войска маршала Виллара. — *Ред.*

28

Хотя в эпоху непрерывных войн воинская повинность для всех сословий стала необходимым средством пополнения армейских рядов, большинство армий этого периода все же состояло из профессиональных солдат. Многие из них — и офицеры и рядовые — были иностранными наемниками: в то время солдат по собственному усмотрению мог вступить в любую армию и воевать против кого угодно, кроме своего короля. Зачастую короли и принцы, придерживавшиеся нейтралитета, поставляли целые полки наемников для воюющих соседей. Так, во французской армии были швейцарские, шотландские и ирландские полки, в голландской армии — датские и прусские, а в армии империи Габсбургов служили представители всех германских государств. Некоторые офицеры переходили из одной армии в другую с такой же легкостью, с какой современные клерки меняют место работы, но ни те, у кого они служили раньше, ни их будущие наниматели, не видели в этом ничего предосудительного. Мальборо, будучи двадцатичетырехлетним полковником, служил у маршала Тюренна, выступал против голландцев и на большом параде удостоился похвалы самого Людовика XIV. Впоследствии, командуя армией, состоявшей в основном из голландцев, Мальборо чуть было не скинул с трона Короля-Солнце. Некоторое время — до и после вступления Петра на трон — старшие офицеры русской армии почти сплошь были иностранцы; и если бы не они, царь выводил бы на поде боя не войска, а толпу мужиков.

Обычно профессиональные солдаты вели военные действия согласно общепринятым правилам. Так, почти без исключений соблюдался сезонный ритм: лето и осень отводились для военных кампаний и сражений, зима и весна — для отдыха, вербовки и пополнения

всяческих запасов. В основном эти правила диктовались погодой, Урожаем на полях и состоянием дорог. Каждый год армии Ждали, пока стает снег и зазеленеют луга, чтобы было Достаточно свежей зеленой травы для кавалерийских и

29

обозных коней. В мае и июне, едва подсыхала дорожная грязь, длинные колонны людей и обозов приходили в движение. Проводить маневры, осаждать крепости и ввязываться в сражения генералы имели возможность до октября. К ноябрю, с первыми морозами, войска начинали переходить на зимние квартиры. Эти почти ритуальные правила неукоснительно соблюдались в Западной Европе. Десять лет подряд, пока длилась кампания на континенте во время войны за Испанское наследство, Мальборо ежегодно оставлял армию в ноябре и до весны возвращался в Лондон. В те же самые месяцы старшие французские офицеры возвращались в Париж или Версаль. Давно исчезнувшим атрибутом тех цивилизованных войн были паспорта-пропуски, выдаваемые заслуженным офицерам для проезда по территории неприятеля кратчайшим путем к месту зимнего отпуска. Рядовые, разумеется, подобными привилегиями не пользовались. Для них вопрос о побывке дома до конца войны вообще не стоял. Если им везло, они в течение самых холодных месяцев располагались на постой в городах. Однако гораздо чаще они оказывались в переполненных ветхих казармах и бараках зимних лагерей, где становились добычей стужи, болезней и голода. По весне свежие пополнения рекрут г восстанавливали потери в рядах.

В то время армии на марше двигались медленно, даже когда их продвижение не встречало препятствий. Немногие армии могли пройти в день более десяти миль, обычный же дневной переход составлял пять. Исторический бросок Мальборо от Нидерландов вверх по Рейну в Баварию перед сражением при Бленхейме' в то время сочли «молниеносным» — 250 миль было пройдено за пять недель. Обычно движение замедляла артиллерия. Лошади, с трудом тянущие тяжеленные, громоздкие пушки, колеса которых оставляли на дорогах устрашающие рытвины, просто не могли двигаться быстрее.

Армии продвигались длинными колоннами, батальон за батальоном; впереди и по флангам кавалерийский

30

заслон, в хвосте подводы, фуры и зарядные ящики для пушек. Обычно армия пускалась в путь с восходом солнца и становилась на бивуак под вечер. Ежедневная разбивка лагеря на ночь требовала почти столько же усилий сколько и дневной переход. Нужно было поставить рядами палатки, распаковать поклажу, развести костры для приготовления пищи, наносить воды для людей и животных и отвести лошадей пастись. Если неприятель был неподалеку, место для лагеря приходилось подыскивать особенно тщательно и затем еще сооружать временные земляные укрепления с деревянным частоколом — на случай возможного нападения. А наутро, чуть свет, не успевших отдохнуть людей уже поднимали, и в предрассветном сумраке приходилось сворачивать лагерь и снова грузить все на подводы для следующего дневного перехода.

Разумеется не все, даже самое необходимое, можно было увезти в обозе. Армия численностью от пятидесяти до ста тысяч человек могла содержать, себя, лишь двигаясь по плодородной местности и за счет этого удовлетворяя многие из своих нужд или получая дополнительные припасы водным путем. В Западной Европе большие реки служили главными дорогами войны. В России реки текут на север и на юг, а военные действия русских и шведских войск развивались в направлении восток—запад, поэтому водные пути имели меньшее значение и зависимость армий от вещевых обозов и местного фуражирования была сильнее.

В Западной Европе военные кампании велись, как правило, неспешно. Были популярны осады - их явно предпочитали значительно большему риску и неприятным сюрпризам, которые сулило сражение в открытом поле. Осадные операции проводились с ювелирной, почти математической точностью; в любую минуту командующий и одной и другой стороны мог ответить на вопрос, как обстоят дела на данный момент и как они будут развиваться дальше. Людовик XIV был горячим привер-

31

женцем осадных операций: тут не было опасности потерять большую армию, созданную ценой немалых усилий и огромных затрат. К тому же они позволяли и ему самому

поучаствовать в Марсовых забавах без риска для жизни. И наконец, в распоряжении Короля-Солнце был крупнейший в истории военного дела мастер фортификации и осадного искусства — Себастьян де Вобан. Служа своему государю, он успешно провел осаду пятидесяти городов и везде добивался успеха, а построенные им укрепления считались образцовыми на протяжении всего столетия. Вдоль всей границы Франции выросла густая сеть крепостей — от отдельных сугубо военных фортов до больших укрепленных городов. Все эти крепости, идеально приспособленные к особенностям местности, не только великолепно соответствовали своему назначению, но были подлинными произведениями искусства. Обычная их форма — гигантская звезда, при этом каждая стена располагалась так, что была защищена от продольного (анфиладного) артиллерийского или, по меньшей мере, мушкетного флангового огня. Каждый угол звезды представлял собой самостоятельный форт с собственной артиллерией, гарнизоном, тайными ходами для неожиданных вылазок. Могучие каменные стены были окружены рвами в двадцать футов глубиной и сорок футов шириной, также выложенными камнем, перед которыми наступавшая пехота чувствовала себя очень неуютно. Когда строились эти крепости, французские армии вели наступательные действия, и эти исполненные грозного величия сооружения с массивными, украшенными золочеными королевскими лилиями воротами, предназначались не для пассивной обороны, а для того, чтобы служить опорными пунктами французских полевых армий. Впоследствии, когда войска Мальборо рвались к Парижу и Версалию, укрепления Вобана сохранили Людовику его трон. Сам Король-Солнце отдавал должное своему маршалу: «Город, обороняемый Вобаном, неприступен; го-

32

род, осаждаемый Вобаном, уже взят»*. Осадные операции под руководством Вобана были подобны безукоризненно поставленным и разыгранным по часам театральным представлениям. Окружив крепость неприятеля, войска Вобана начинали рыть серию зигзагообразных траншей, постепенно подбираясь к стенам. Вобан с математической точностью рассчитывал углы обстрела и располагал окопы таким образом, чтобы огонь со стен крепости практически не наносил урона пехоте, которая подкапывалась все ближе и ближе. Тем временем, артиллерия осаждающих день и ночь вела огонь по укреплениям, заставляя умолкнуть пушки защитников и пробивая бреши в стенах. В момент штурма пехотинцы устремлялись из окопов и, засыпая рвы фашинами — тугими вязанками хвороста, — преодолевали их и врывались в проломы в изрешеченных стенах. Однако осады нечасто достигали этого кульминационного момента. Когда становилось очевидным, что крепость обречена, осажденные, в соответствии со строгим этикетом, которого придерживались обе стороны, были вольны согласиться на почетную капитуляцию, причем не только неприятель, но и их собственное правительство ничего другого в этой ситуации от них и не ждало. Но если нерасчетливые или чересчур пылкие защитники отказывались сдаться, тем самым вынуждая нападавших идти на приступ, теряя время и людей, захваченный город подвергался насилию и разграблению и предавался огню.

Искусство Вобана навсегда осталось непревзойденным. Однако в те времена (как, впрочем, и сейчас) крупнейшие полководцы — Мальборо, Карл XII, принц Евгений — предпочитали вести маневренную войну. Величайшим из них, несомненно, был Джон Черчилль,

* Однако когда Людовик XIV сам присутствовал при осаде, Вобану приходилось делить лавры с королем. Как выразился Людовик: «Месье Вобан предложил мне ряд действий, которые я счел наилучшими»².

² Петр Великий, т. 2

33

герцог Мальборо, который с 1701 по 1711 год командовал коалиционными европейскими армиями в войнах против Людовика XIV. Не было сражения, которое бы он проиграл, и не было крепости, которая бы перед ним устояла. За десять лет войны, сражаясь с одним за другим маршалами Франции, он победил их всех, и когда в результате политических изменений в Англии лишился командования, его войска неудержимо двигались сквозь барьер мощных укреплений Вобана прямо на Версаль. Мальборо не довольствовался обычной, ограниченной стратегией того времени, и устремления его простирались много дальше покорения отдельной крепости или города. Он был убежденным сторонником решительных, крупномасштабных действий, хотя бы и сопряженных с большим риском. Его целью было уничтожить французскую армию и посрамить Короля-Солнце на поле боя. Он был готов рискнуть, поставив

судьбу провинции, кампании, войны и даже королевства в зависимость от исхода одного дня. Мальборо был наиболее удачливым и разносторонним начальником своего времени. Он был одновременно полевым командиром, главнокомандующим коалиционными войсками, министром иностранных дел и фактическим премьер-министром Англии это примерно то же самое, как если бы он один исполнял обязанности Черчилля, Идена, Эйзенхауэра и Монгомери во время второй мировой войны.

Но стиль командования Мальборо всегда отличался определенной взвешенностью, умением соразмерить масштабную стратегию и тактические задачи. Самым же напористым и дерзким полководцем того времени был король Швеции — Карл XII. В глазах своих противников, да и всей Европы, Карл был воином, рвавшимся в бой в любой момент, независимо от соотношения сил. Тактике его были присущи стремительность и внезапность. Его импульсивность и жажда боя навлекли на него обвинение в безрассудстве, граничащим с фанатизмом. И, пожалуй, он охотно подписался бы под девизом

34

Джорджа С. Паттона: «Атаковать, только атаковать!»* Но в основе атак шведских войск лежала не слепая ярость, а жесткая муштра, железная дисциплина, всеобщая преданность делу, уверенность в победе и превосходная система оперативного управления войсками. Барабаны подавали сигналы, посыльные разносили приказы и командиры подразделений всегда знали, что от них требуется. Любая слабость в собственной армии быстро искоренялась, любая слабость в войсках неприятеля немедленно использовалась.

Карл охотно нарушил бы традицию сезонного ведения боевых действий; твердый промерзший грунт лучше выдерживал тяжесть подвод и орудий, да и его солдаты привыкли к морозной погоде — словом, он был готов воевать и зимой. Очевидно, что в маневренной войне преимущество имеет та армия, которая обладает большей мобильностью. Судьба кампании зависела от транспорта и работы тыла в той же степени, что и от генеральных сражений. Все, что могло увеличить мобильность, имело значение; французы, например, были в полном восторге от появления передвижных пекарен, благодаря которым открывалась возможность получать свежий хлеб в считанные часы.

Когда армия неприятеля находилась неподалеку, командиры, конечно, были настороже, хотя в XVII и XVIII столетиях сражения редко происходили, если этого не желали обе стороны. Отыскать подходящий плацдарм и произвести необходимое построение людей, лошадей и орудий было совсем непросто. И военачальник, не расположенный вступать в бой, мог легко от него уклониться, укрыв свои силы среди холмов, кустов и оврагов. На то, чтобы привести войска в боевой порядок, уходили часы, и стоило только одному генералу начать построение —

* Паттон, Джордж Смит (1885-1945), американский генерал, участник первой и второй мировых войн, освободитель Франции в 1944 г - *Ред.*

35

ние, как другой, если он не стремился к баталии, мог спокойно отступить. Таким образом, две враждующие армии могли целыми днями находиться в относительной близости, избегая серьезного столкновения.

Когда же оба командира были вынуждены сражаться — например, за контроль над речной переправой или за опорный пункт на главной дороге, — армии занимали позиции в 300-600 ярдах друг от друга. Если позволяло время, та армия, которая намеревалась защищаться (скажем, русские против Карла XII или французы против Мальборо), воздвигала перед линией пехоты надолбы из вбитых в землю заостренных кольев (*chevaux de frise*), которые в какой-то степени сдерживали атаки наступающей кавалерии. По линии фронта артиллерийские офицеры устанавливали орудия, стрелявшие ядрами весом 3, 6 и 8 фунтов, а тяжелые пушки даже ядрами в 16 и 24 фунта, на 450-600 ярдов вглубь вражеских рядов. Сражение обычно начиналось с артиллерийского обстрела. Град пушечных ядер мог нанести урон, но редко имел решающее значение в бою против опытных и дисциплинированных войск. С поразительной выдержкой солдаты стояли в строю, тогда как в воздухе со свистом проносились ядра и, отскакивая рикошетом от земли, пробивали в их рядах кровавые бреши.

В XVII веке полевая артиллерия была значительно усовершенствована шведами. Густав Адольф стандартизировал калибры полевых орудий, и в разгар боя одни и те же боеприпасы могли подходить к любому орудью. Впоследствии, когда внимание к артиллерии стало пре-

вращаться в самоцель, шведские генералы сообразили, что артиллеристы нередко забывают о необходимости поддерживать собственную пехоту. Чтобы устранить этот недостаток, каждому пехотному батальону придали по две легких пушки, которые оказывали поддержку солдатам, стреляя прямой наводкой по атакующей этот батальон неприятельской пехоте. Позднее шведы придали артиллерию даже кавалерийским подразделениям

36

Конная артиллерия была чрезвычайно мобильна — распрячь лошадей, открыть огонь по кавалерии противника и отойти на новую позицию она могла в считанные минуты.

Но исход сражения решала не артиллерия и не кавалерия, а пехота. Великие битвы того времени выигрывали пехотные батальоны, построенные фалангами, вооруженные мушкетами, кремневыми ружьями и пиками, а впоследствии багинетами. XVII век принес быстрые перемены в снаряжение и тактику пехоты. Веками старинная пика — тяжелое древко длиной от четырнадцати до шестнадцати футов со стальным острием — была всепобеждающей «королевой сражений». С длинными пиками наперевес ряды пикинеров наступали друг на друга, и исход боя определялся напором оцетинившегося копьями строя. С развитием огнестрельного оружия, прославленная пика стала устаревать. Пика не могла соперничать с мушкетом: мушкетеры вели огонь с безопасного расстояния, выбивая пикинеров из строя. К концу века пикинеры на полях сражений появлялись редко, и их единственным назначением стала защита мушкетеров от кавалерии противника. Всаднику по-прежнему требовалось немалое мужество, чтобы мчаться навстречу барьеру из длинных отточенных пик, но пока атакующий противник не приближался к пикинерам вплотную, от них не было никакой пользы. ОРИ бестолково стояли в строю, косимые огнем артиллерийских батарей и мушкетными пулями, выставив длинные пики и ожидая, когда кто-нибудь сам насадит себя на острие.

Выручил багинет, или штык, с помощью которого мушкет объединил в себе две функции: во-первых, из него по-прежнему можно было стрелять, а во вторых, к стволу крепилось острие, и стоило неприятелю приблизиться, как мушкет превращался в короткую пик. Сначала острие вставляли прямо в мушкетный ствол. Но это мешало вести огонь, и скоро был введен багинет, крепившийся на кольцо — в таком виде он продолжал

37

применяться и в нашем столетии. Пехотинец мог вести огонь до сближения с противником, а затем пустить в ход сверкающий штык. Багинет, то есть мушкет с при-мкнутом штыком, появился как раз вначале Северной войны. Драбанты - шведская гвардия - были вооружены багинетами в 1700 году, и за несколько последующих лет их приняло на вооружение большинство армий, включая и русскую.

В конце XVII века был значительно усовершенствован и сам мушкет. Старинное фитильное ружье было громоздким и весило более пятнадцати фунтов*. Для того, чтобы наводить и удерживать его, мушкетеру был необходим длинный деревянный подсошник с развилкой наверху: его втыкали в землю и, оперев ствол на развилку, целились и стреляли. Чтобы зарядить ружье и произвести всего один выстрел, требовалось выполнить двадцать два отдельных приема, в том числе: засыпать порох, забить пыж и пулю, вставить запал, поднять на плечо, навести с подсошника в цель, зажечь фитиль и поднести его к запальному отверстию. Иногда отсыревший фитиль никак не хотел воспламениться, и мушкетер, ожидавший, когда же раздастся выстрел, нередко бывал разочарован — если разочарование то чувство, какое испытываешь при виде бегущего прямо на тебя пехотинца или скачущего во весь опор кавалериста.

На смену фитильному замку пришел кремневый, в котором искра высекалась механически, от удара стального кресала по кусочку кремня, и падала прямо в пороховую камеру. Оружие стало полегче, правда, только относительно — теперь оно весило десять фунтов, что позволяло обходиться без подсошника, а количество приемов, необходимых для выстрела, сократилось вдвое. Хороший стрелок мог произвести несколько выстрелов в минуту. Кремневый мушкет вскоре стал стандартным вооружением пехоты во всех западных армиях.

Только

* То есть 6 кг. — *Ред.*

38

русские и турки продолжали изготавливать неуклюжие фитильные пищали старого образца, что явно не способствовало усилению огневой мощи их пехоты.

Пехота, оснащенная новым оружием — кремневым мушкетом с примкнутым штыком — стала высокоэффективной, грозной, а очень скоро и ведущей силой на полях сражений. Багинет не просто соединил в себе два вида оружия — возникло новое оружие, не такое неуклюжее, как пика, и мобильность пехоты с его появлением значительно возросла. Увеличение скорострельности потребовало разработки новых тактических приемов и боевого порядка, чтобы максимально использовать возросшую огневую мощь. Кавалерия, которая веками господствовала на поле боя, теперь отступила на второй план. Мальборо первый сумел оценить и использовать новые преимущества пехоты. Английских солдат учили быстро разворачиваться из колонн в шеренги и, взвод за взводом, вести непрерывный, методичный огонь. Поскольку теперь меньшим числом людей можно было добиться той же интенсивности огня, личный состав батальонов сократился и ими стало легче управлять. Командование и контроль за выполнением приказов упростились и ускорились. Для того, чтобы иметь возможность одновременно навести на неприятеля как можно больше стволов, равно как и для того, чтобы уменьшить глубину мишени для вражеской артиллерии, пехота стала растягиваться по флангам, что, в свою очередь, расширяло саму линию фронта. Все действия солдата должны были быть доведены до безошибочного автоматизма, и с этой целью в мирное время проводились бесконечные учения. А испытание наступало в тот леденящий сердце момент, когда на мушкетеров накатывалась волна вражеских всадников с поднятыми клинками и времени перезарядить мушкеты уже не было.

Именно благодаря существенно возросшей огневой мощи пехоты, к началу XVIII века поле боя стало более опасным местом, чем когда-либо прежде. Уничтожать

39

людей смертоносными мушкетными залпами было куда проще, чем сходить в плотную и сражаться врукопашную — как это приходилось делать на протяжении веков. Раньше нормальными потерями считались десять процентов личного состава, теперь эта цифра резко подскочила. Несмотря на то, что пехота стала господствовать на поле сражения, ее собственная безопасность зависела от соблюдения идеального порядка. Если пехотинцы удерживали строй и не давали его прорвать, они своим опустошительным огнем могли нанести огромный урон атакующей кавалерии. Да и сама жизнь пехотинцев зависела от сохранения строя: вокруг вихрем кружила неприятельская кавалерия, готовая при малейшем ослаблении боевых порядков смять ряды и втоптать пехоту в пыль.

Организация боя — поддержание боевого порядка в многотысячном войске, прибытие необходимых формирований в нужное время и в нужное место, и все это под вражеским огнем — сама по себе сложнейшая задача. Природа тоже частенько устраивала полководцам какой-нибудь подвох — трудно было не наткнуться на перелесок, канаву, а то и просто изгородь, которые мешали движению колонн и могли сломать построение. Но как бы ни складывалась обстановка, спешить было нельзя. Продвигаться в зону смертоносного огня неприятеля приходилось медленно, но верно; поспешность могла нарушить скоординированность действий армии. Нередко, даже когда солдаты падали один за другим, приходилось останавливать наступавшую колонну, чтобы восстановить нарушенный строй или дать возможность параллельной колонне с ней поравняться.

За редкими исключениями, удача сопутствовала полководцам, предпочитавшим наступление. Мальборо неизменно начинал сражение атакой, направленной на самый сильный участок боевых порядков противника. Как правило, он использовал для этой цели собственную, великолепно обученную английскую пехоту. Встре-

40

воженный неприятельский командир начинал стягивать на атакуемый участок все новые резервы, но Мальборо не снижал и даже усиливал натиск, не считаясь с потерями. Наконец, когда другие участки вражеской обороны оказывались сильно ослабленными, Мальборо бросал в бой свои резервы, направляя лавину кавалерии на какой-нибудь особенно оголенный отрезок неприятельского фронта. И вот, в который раз оборона противника прорвана, и герцог с триумфом проезжает по полю боя.

Однако, если на первое место ставить стремительность и напор атаки, то лучшими пехотинцами и кавалеристами в Европе были не англичане, а шведы. Шведские солдаты вообще не были

приучены думать ни о чем, кроме наступления. Если противник каким-то образом перехватывал инициативу и сам начинал наступать, шведы немедленно устремлялись ему навстречу, чтобы сорвать наступление контратакой. В отличие от английской армии Мальборо, пехотная тактика которой была основана на максимальном использовании огневой мощи, шведы в атаке полагались на *armes blanches* — холодное оружие. Как пехота, так и кавалерия огню мушкетов и пистолетов предпочитали ближний бой, в котором все решали клинок и штык.

Зрелище было устрашающее. Медленно, методично, молча, под грохот барабанов продвигалась вперед шведская пехота, не открывая огонь до последней минуты. Сблизившись с противником, колонны разворачивались, и на поле боя вырастала стена желто-голубых мундиров в четыре шеренги глубиной. Строй замирал, грохотал залп, и со штыками наперевес шведы врываются в дрогнувшие ряды неприятеля. Прошло немало лет, прежде чем русские воины Петра научились отражать неудержимо атакующих шведов. Непревзойденная мощь шведской атаки была обусловлена религиозным фатализмом, с одной стороны, и непрерывной муштрой, с другой.

Все — от короля до солдата — верили в то, что «Господь никому не позволит пасть в бою, покуда не

41

придет его час»³. Эта убежденность порождала неколебимое мужество, а месяцы и годы, проведенные на плацу под звуки строевых команд, обеспечивали шведской армии такую маневренность и сплоченность, что сравниться с ней не мог никто,

Несмотря на возросшую роль пехоты в качестве решающего рода войск, действия кавалерии по-прежнему наполняли драматизмом картину боя: стоило противнику дрогнуть, кавалерия прорывала его ряды и добывала победу. Легкая кавалерия служила для прикрытия армии, разведки, фуражировки и внезапных набегов на неприятеля. Русские для этих целей использовали казаков, а турки — татар. У шведов одни и те же кавалерийские части участвовали и в боях и во вспомогательных операциях. Тяжелая регулярная кавалерия была организована в эскадроны численностью в 150 человек: кавалеристы носили кирасы, прикрывавшие спину и грудь, и были вооружены палашами и пистолетами, которые пускались в ход, если эскадрон попадал в засаду. В большинстве армий того времени кавалерию обучали тактическим маневрам не менее тщательно и строго, чем пехоту. Но существовали факторы, ограничивающие возможности ее применения. Одним из них, безусловно, являлся ландшафт: для действий кавалерии необходимы мягкий рельеф и открытое пространство. Другим фактором была выносливость лошади: даже самые лучшие кавалерийские кони не могли выдержать больше пяти часов напряженной схватки. Был и еще один фактор — усиление пехотного огня. Кавалерии приходилось держаться начеку, учитывая возросшую меткость и скорострельность кремневых мушкетов. И Мальборо, и Карл XII посылали кавалерию в бой только в решающий момент, когда она, как ударная сила, могла прорвать распадающиеся вражеские ряды, атаковать с флангов наступающую пехоту или, преследуя противника, превратить его отступление в разгром.

42

Хотя возможности применения кавалерии и были ограничены, время ее славы еще далеко не миновало. До битвы при Ватерлоо, с ее массированными кавалерийскими атаками, оставалось целое столетие, а до атаки английской легкой бригады под Балаклавой — полтора столетия*. Кавалеристы составляли от четверти до трети численности всех армий, а в шведской армии их процент был еще выше. Карл обучал свою кавалерию идти в атаку сомкнутым строем. Шведские конники надвигались на неприятеля медленной рысью, построившись плотным клином. Клинок имел глубину в три шеренги и прорывал ряды кавалерии или пехоты противника подобно широченной стреле, послушной воле командира.

Если наблюдать кавалерийскую атаку издали, война могла бы показаться великолепным зрелищем: по открытому полю мчатся всадники в разноцветных мундирах, клинки и кирасы сверкают на солнце, вымпелы и флаги реют на ветру. Но для участников битвы это поле — место кровавой резни, подобие ада: пушки грохочут и извергают пламя, пехотинцы по команде заряжают ружья и стреляют, изо всех сил пытаются удержать строй, а возле их ног корчатся в агонии изувеченные товарищи; верховые на полном скаку обрушиваются на линию пехоты: крики, вопли, стоны; кто-то пытается подняться и падает, всадники в исступлении полосуют отточенными клинками всякого, кто попадется под руку; пешие почти вслепую

яростно колют штыками — кому-то достался удар в спину, кому-то в грудь; мгновенная острая боль, последняя вспышка удивления, осознание того, что слу-

* Сражение под Балаклавой произошло 13 октября 1854 года во время Восточной (Крымской) войны 1853-1856 гг. Примечательно эффектной атакой бригады английской легкой кавалерии лорда Кардигана, которая привела к поражению русских гусар. В свою очередь, англичане не выдержали удара русских и потеряли почти половину своих солдат и офицеров, большая часть которых принадлежала к английской аристократии. — *Ред.*

43

чилось, и хлынувший из раны поток алой крови; бегут люди, мечутся кони, потерявшие всадников, и надо всем этим медленно ползут тяжелые облака слепящего, удушающего дыма. А когда смолкала канонада и рассеивался дым, взору открывалось пропитанное кровью поле, слышались стоны и крики раненых. Тут же лежали те, кто утих навеки, устремив в небо невидящие глаза.

Таким образом разрешались противоречия между народами.